

Конст. Коничев

МОЙ ЗЕМЛЯК ЮДИН

В перерыве между заседаниями областной конференции комсомольцы шумно выходили в фойе; одни оживленно разговаривали, другие толпились в буфете, третьи, пользуясь кратковременной передышкой, танцевали с девчатами под звуки духового оркестра.

В большинстве делегаты конференции были приезжие из разных районов Архангельской области, вопрос обсуждался о значах комсомольцев на лесозаготовках.

Многие участники конференции в годы Отечественной войны отмечены боевыми орденами и демобилизовались не по возрасту — им бы еще служить и служить, — а демобилизовались потому, что они имели серьезные ранения, пролили кровь на полях сражений.

Среди участников конференции обращал на себя внимание скромно одетый белолицый, русоволосый парень лет двадцати-двадцати двух.

Ничего особенного в его внешности не было, но золотая геройская звезда заставляла каждого присмотреться к ее обладателю.

Лицо молодого героя мне показалось очень знакомым, и подумав, решил, что я с этим товарищем все же нигде не встречался.

А потом, когда познакомился с ним, из разговора выяснилось, что он уроженец одного со мной района и что около двадцати пяти лет тому назад я знал его отца, который был тогда в таком, примерно, возрасте и выглядел как выглядел сейчас он — Герой Советского Союза комсомолец Юдин Александр Дмитриевич — ныне комсорг ЦК ВЛКСМ в Лимендском леспромхозе около Котласа.

...После второго тяжелого ранения в Пинских болотах Александр Юдин долго лечился в госпитале и когда демобилизованный, опираясь на костыли, приехал в Вологду и зашел в обком партии зарегистрироваться, то оказалось, что он в числе героев области значится по списку под девяносто седьмым номером.

— Ух, как нас порядочно! — удивился тогда Юдин, сообщая регистратору в военном отделе все данные в соответствии с казенной формой широко развернутого списка.

— Да, но в этом списке есть и такие, которые стали героями посмертно, — сокрушенно заметил регистратор.

Раненому герою сначала показалось странным: почему в одном списке значатся живые и мертвые? Заметив смущение на лице Юдина, регистратор пояснил, что учет есть учет и что у них такая установка: записывать всех героев — вологодских земляков — в один общий список — пусть память о погибших живет среди живых.

На вопрос, где будет проживать и где думает работать, — демобилизованный, Юдин ответил регистратору, что он пока намерен побывать у себя в деревне за Кубенским озером, посмотреть на места, где протекало его детство, посмотреть на соседей, а затем поехать в Архангельскую область на лесозаготовки, где живет и работает его отец — статистик и плановик леспромхоза.

В районном центре ему устроили торжественную встречу: представители партийной, комсомольской и общественных организаций приветствовали земляка-героя. Затем гостя на паре самых бойких лошадей повезли в его родную деревушку, в колхоз.

Лошади, выряженные словно на праздник, щеголяя начищенной сбруей, во весь дух неслись по ровному и пыльному проселку. Под расписной дугой звенел медный, поблескивающий на солнце колокольчик.

„Почет-то какой! — невольно подумал Юдин, — сам председатель райсовета приказал запрячь лучших лошадей и к вечеру доставить меня в Никольский сельсовет, а там до нашей деревни рукой подать... А секретарь-то райкома, поправляясь, говорит, отдохни здесь и никуда не езди, дело тебе хорошее найдется. И вроде бы в шутку, вроде бы всерьез обещал самую лучшую невесту в районе выбрать. Ну, невеста мне не к спеху, а что касается работы, тут у меня своя думка в голове обосновалась. Только вот — костыли, вы, костыли, до чего ж вы довели? Виду кавалер-

ского из-за вас не имею. Эх, скорей бы избавиться мне от этих помощников, скорей бы встать покрепче на свои резвы ноженьки...“ Так размышлял про себя Александр Юдин, покачиваясь на мягком сиденье рессорного тарантаса.

За кучера был молодой парень из колхоза имени Чапаева. Он довез Юдина до Коровинской маслобойки, где дорога дальше разветвлялась в двух направлениях, и спросил:

— Товарищ герой, в какую сторону вас везти? Прямая дорога — в Заднее село, а с поворотом влево которая, та на Уфтюгу.

— Мне на Уфтюгу, а там, не доезжая, свернем...

Хотя и давно, с шестилетнего возраста, Юдин не был у себя в деревне, но он запомнил, что река Уфтюга от Никольского сельсовета протекает близко. Кони, приостановленные возницей, фыркая, топтались на месте. Тронув вожжей коренного, парень присвистнул, и пара бурых ринулась на проселок влево. Вот уже промелькнула мелким кустарником Петелинская пустошь; на опушке леса показались первые деревушки — Николин Корень, Богородицын Корень и Богослово.

Теперь эти селения официально значились в районе под другими названиями, которые были даны в период коллективизации в тридцатом году. Но Александр Юдин, в том году уехавший со своим отцом из деревни, припоминает все окрестные деревни по старым наименованиям и старается приметить происшедшие изменения местности. Вот тут, кажется, ручеек раньше был поживее, а нынче совсем зарос водорослями. В покотинах лес заметно поредел; старая церквушка на сугорье в Богослове покривилась и стоит обезглавленная; на отшибе деревень появились крупные общественные скотные дворы и силосные башни, чего раньше здесь не было. Справа, за перелеском, показались деревни; по стройному ряду гумеников Юдин определил, что это не иначе Родионово, а там с ветряной мельницей Шабарово; обшитые тесом с облезлой краской аккуратные домики с тополями под окнами — эта деревушка называется Тычок.

Когда кони с разгону выбросились из лошаины на пригорок, глазам Юдина представился с детства знакомый ему пейзаж — величественный, привлекательный: справа, среди полей колышущейся от легкого ветерка спелой ржи, виднелись разбросанные на большом пространстве мелкие серые деревни; они на далеком горизонте были обтянуты черной каймой хвойного леса. Слева, там, где клонилось к закату солнце, за узкой болотистой лентой широко раскинулись пожни, покрытые, словно бородавками, тысячами стогов зеленой осоки. За пожнями искрилось долгое, вытя-

нущееся на полсотни километров озеро. Солнце перед тем, как закончить свой дневной обход, гляделось в озеро, как в зеркало, и веером радужных лучей покрывало его золотистую поверхность. А по самой середине медленно, как тараканы по мокрому стеклу, ползли один другому навстречу два парохода; их палубы чернели от множества пассажиров. На противоположном берегу озера, далеко-далеко, сквозь прозрачный воздух виднелись многочисленные деревни Заозерья.

— Хорошо, что хоть здесь не было войны и все цело осталось, не выжжено, не разрушено, — проговорил Юдин и, обращаясь к вознице, спросил: — Ты-то воевал?

— Нет. А на окопных работах побывал. Оборону на всякий случай за Белым озером строили. Думали, что так далеко он пойдет.

— Да, он рассчитывал по плану „Барбаросса“ линию фронта провести от Архангельска на Астрахань. Не зря, стало быть, наши оборону строили. — И, вздохнув тяжело, Юдин продолжал: — Эх, видел бы ты, что он наделал там, на юге, — пепелища, развалины и все бурьяном поросло. Люди, возвращаясь из эвакуации, в землянках живут...

В разговоре о тяжелых годах войны и ее последствиях Юдин и возница называли немца коротко личным местоимением — он, и обоим было понятно, о ком речь идет, и обоим казалось, что немцев даже немцами называть непристойно.

— Трудно там населению приходится, — продолжал опять Юдин, — там не как у нас — лесу нет столько. Строительный материал: бревна, доски, всякая фанера там нужны, и нехватает... Выздоровлю и сразу пойду работать в лес, в лес. Ни в каком учреждении не буду штаны протирать. Нагляделся я и на Украине и в Белоруссии, разрушений уйма. Там без лесоматериалов никуда не денешься. Везде, везде нужен лесок. Всякое строительство и восстановление в него упирается. Как здесь у вас обстоит с лесозаготовками? — спросил Юдин возницу.

— Да как сказать? — задумавшись, вопросительно отвечал парень, ослабив вожжи. — С лесозаготовками у нас ни шатко, ни валко; никак середины на половине нет. Людей не достает. Делянки теперь отодвинулись далеко-далеко; приходится с осени за Кумзеро, за Ротковец и дальше уходить: поблизости хороший лес уже выведен, одна дровянка осталась. Да что вам спрашивать, товарищ герой... ваше положение такое, в лес вас не пошлешь. О лесозаготовках вам и думать нечего, а во-вторых, — парень обернулся и потрогал костыли, — вы инвалид.

— А там посмотрим, — ответил затронутый Юдин. — Что касается костылей, так я от них скоро отвыкну. У меня уже теперь правая нога не нуждается в подпорке, с одним костылем вполне обойдусь...

При этих словах он взял один костыль и, размахнувшись, бросил его с тарантаса в канаву. Парень-возница на ходу соскочил с сиденья.

— Не надо, не поднимай, — сказал Юдин, — а то подумают в деревне, как и ты, что я теперь никуда не годящийся инвалид. Чепуха! Раны залечены, а силенки я поднаберусь.

Но парень, подняв костыль, повертел его в руках — бросать жалко. Положил в придорожный куст: — Ладно, если не забуду, то на обратном пути подберу. Кто-нибудь спасибо скажет. Костыль-то легонький, как перышко, из какого-то не из нашего дерева...

— Бамбуковый, — ответил Юдин, — такого дерева у нас сколько угодно на лыжные палки идет.

Они поехали дальше. И пока подъезжают к бывшей барской усадьбе, мы заглянем в далекое прошлое этих мест.

Село Никольское — Заболотье — Юковское — с давних пор носит такое тройное название; оно принадлежало барину Межакову, которого только старожилы вспоминают, да и то по рассказам своих отцов и дедов; вспоминают, как одного из Межаковых крепостной мужик из кремневого ружья в барском саду убил за то, что этот барин спал с его молодой женой первую ночь после свадьбы.

Много воды утекло с тех пор; многое изменилось за сотни лет в здешних местах. Теперь только развалины бывшей помещичьей усадьбы, да огромный сад смутно, чуть-чуть напоминают о тех временах, когда огромная округа Кубеноозерья — от Уфтыги до Николы Корня — с плюгавыми деревьями, с лугами и полями, лесами, реками и озерами принадлежала знатному и владетельному Межакову.

Один из здешних господ помещиков был ученый-стихотворец. Правда, из-за лености мысли и от любви к постоянному отдыху он прочно в литературу не вошел. Жил этот барин во времена Александра Первого, слыл по всей губернии самым богатым и по-своему образованным помещиком. Летом он и вся его многочисленная родня и приятели из обеих столиц отдыхали в Никольском, разгуливали в живописном парке, где были вырыты пруды, каналы и подземные ходы; катались в лодках по озеру, ездили на английских тонконогих жеребцах, дулись в карты,

проигрывая деньги и крепостных людей. Здесь еще до войны с Наполеоном ставились для помещика спектакли и гремел господский оркестр. Однажды чем-то музыканты не угодили барину, и он всех их отдал в солдаты служить „верой и правдой“ двадцать пять лет!.

На зиму Межаковы уезжали в Москву и в Петербург проедать, пропивать и проигрывать средства, выжатые из подневольного мужицкого труда. Вращаясь в литературных столичных салонах, Межаков иногда не прочь был для красного словца сказать о себе, что он —

„Покорный всемогущей воле,
Свет коварный забывал,
Взрывал наследственное поле
И песнь свободы напевал...“

„Наследственное поле“ взрывал он, как и его предки дворяне помещики, тысячами крепостных даровых рук. Слово „свободу“ понимал как ничегонеделание и произвол в отношении с крепостными людьми, наравне с прочей живностью, ему принадлежащей...

Канули в вечность те тяжелые времена. И не бывать тому, что было. Лишь в обширном барском парке древние дубы, липы и кедры помнят давние годы помещичьего господства и, шумя ветвями, рассказывают о том, как они, эти деревья, когда-то укрывали народных мстителей, выведенных из терпения произволом хозяев господ...

„Что было бы, если бы Гитлеру удался этот самый „барбароссов“ план?“ — подумал Юдин, озирая бывшие межаковские владения. И ему представилось, что в России, отодвинутой на столетие назад, появились господа помещики, жирные немецкие бюргеры, появились и сели на шею колхозников... Теперь, когда Германия повержена, не страшно было об этом подумать. Не случилось беды и никогда не случится, рассуждал сам с собой Юдин, — с историей шутить нельзя; не зря люди проливали кровь и отдавали свои жизни за любимую Родину. Недаром и он в числе самых первых героев-одиночек перебрался за Днепр. Это было не так давно. А теперь земля не вздрагивает под ударами войны, теперь — скорей к мирному труду...

В сельсовете Юдин не задержался. Но было достаточно на несколько минут остановиться и сказать, что он такой-то, Герой Советского Союза, приехал на несколько дней к себе в деревню на соседей посмотреть и себя показать, — как весть об этом быстро понеслась по всем окрестным деревням.

Были сумерки — канун выходного дня. Народ возвращался с полевых работ.

— Кто бы это мог приехать, пара лошадей и с колокольчиком?

Из уст в уста восторженные разговоры:

— Митрея Юдина сынок Санька, смотрите-ка, вырос, воевал и героем стал...

— Он теперь уже не Санька, а весь Александр Дмитриевич, заслуженного человека да и вообще человека называть по имени не пристало... — слышались разговоры.

И не успел возница покормить лошадей и уехать обратно, как в избу, где остановился погостить Юдин, начали собираться колхозники и колхозницы и вся многочисленная детвора. Приходили бородастые старики и демобилизованные уже в успешных вылиниях хлопчатобумажных гимнастерках с нашивками за ранения и кожно-костными, которые говорили о том, что некоторые из здешних „героев“ достаточно понюхали порошу и прошли от Сталинграда до Берлина, побывали и в Заполярье и в Белграде.

Многим нетерпелось послушать приехавшего молодого паренька, как он стал героем, какую такую заслугу имеет перед Родиной. Но никто из соседей не спешил с расспросами. Лишь один из них, самый старший, чуть ли не прадедом пришедшийся Юдину, страдав близорукостью, потрогал ордена и медали на его груди, проговорил:

— Время-то как катится: будто вчера ты ребенком был. А вот пожалуйста, — теперь ты какой стал! Надолго к нам пожаловал?

— Навсегда! — ответил за героя председатель колхоза.

— Нет, нет, — возразил Юдин, — я только заездом денька на два-три. А потом к отцу в леспромхоз поеду. Меня в лесу работа ждет.

— Ну, ясное дело, — согласился дед, — тогда уж ты нам поведай про свою боевую службу... Не уезжай так-то.

— Не время выпытывать, — прервал старика председатель колхоза, — парень только что с дороги, утомленный, пусть угостится у нас чем бог послал, пусть отдохнет. А потом мы его попросим целый доклад сделать о прохождении службы и геройских делах. Давай-ка, товарищ герой, и вы, соседи, на сколько чашек хватит, садитесь за стол.

На столе гудел двухведерный самоварище красной меди, пуватый и важный, как сановник.

— Доклад, не доклад, а порассказать, конечно, есть о чем, могу поделиться, — сказал Александр Юдин и, положив свой костыль на полавшик, придвинулся с уголка к столу.

— Нет, нет, такому гостю центральное место! — обратился председатель к Юдину и, усадив его против середины стола у раскрытого окна, стал зажигать лампу, так как августовский вечер начинал сгущаться.

— Ничего себе самоварчик, — подивился Юдин и пострекал ногтем по медной стенке, — здоров, чертяка!..

— Межаковских времен! — отозвался дед о самоваре, — износу ему нет, что-те колокол. Ни одной помятины. Нынче таких больших да тяжелых не делают. Нынче самоварчики, как игрушки. Этот, слыхивал я, у господ для приезжающих гостей в нижнем этаже на кухне грелся. Нам он перепал в семнадцатом году. И как раз: теперь вся животноводческая бригада за один присест из него напивается. Я его и кипячу, а вот уж на стол, извините за выражение, не поднять...

— Какое тут выражение, дед? — усмехнулся предколхоза.

— Да так, к слову пришлось, — схитрил дед.

— Все умничаешь, старина?

— Как же, люблю культурный разговор.

И пока дед судачил о самоваре, вспоминая его „биографию“, хозяйка сняла с самовара крышку и, уклоняясь от пара, стала ловко и осторожно, чуть-чуть обжигаясь, доставать горячие яйца, расположенные в верхней части самовара вокруг трубы.

— Вы как, Санушко, любите всмятку или вкрутую? — спрашивала она гостя.

— Да что ты, Марья, спрашиваешь, — вмешался один из демобилизованных, — вари и так и этак, да побольше...

На столе появились „литры“, на закуску огурцы, зеленый лук, смородина с жареной кубенской нельмой. Девчата колхозницы принесли два больших блюда голубики и морошки и поставили перед гостем.

— Кушайте на здоровье, Александр Дмитриевич, небось на фронте не до ягод было.

— Разумеется, там, на юге, о морошке никакого представления, — отвечал герой, застенчиво поглядывая на девчат. Он хотел было припомнить, как их зовут, но девчата были не те босоножки, что пятнадцать лет тому назад бегали с ним по деревне и лавали на черемуху рвать недозрелые кисти ягод.

Поздно вечером, после сытного угощения и после долгих разговоров о прошедшей войне, о колхозных делах и прочем,

Юдин, без костыля, слегка поддерживаемый подруку председателем колхоза, вышел прогуляться на свежий воздух.

Полнолуная луна освещала деревенскую улицу. Пахло иззагород мятной травой и спелым хмелем. С низины, покрытой туманом, доносилась переключка коростелей. В дальнем конце деревни, на штабеле бревен, заготовленных для постройки колхозного амбара, сидели в ряд два десятка девчат. При лунном свете издали отчетливо виднелись их бело-розовые платья, но не было слышно звонких девичьих голосов.

— Скушно они у нас гуляют, — поведаль председателем колхоза Юдину, — ребят нехватает; до молодых очередь демобилизации еще пока не дошла; сидят наши девушки и ждут, когда их дружки вернутся. Вот оставался бы ты здесь, Санушко, прости, что по-свойски так называю, эх, и завел бы ты себе краю — первый сорт.

— Давай, пока не надо...

— Ишь ты какой неласковый до девчат! А они давеча все глядели на тебя и млели. У каждой, поди-ко, ёкнуло.

— Пусть ёкает. Вот когда у меня ёкнет, тогда я скажу себе: „Ну, Сашка, кончилась твоя ребячья жизнь...“ Но я дал себе слово поправиться, а потом найти девушку по характеру, год дружить с ней, а потом жениться. Опрометью ни-почем...

— Да, осмотрительность в таком деле пуще всего, — согласился председатель и прервал на эту тему разговор.

Подожли ближе. Девчата скучились и стали приглашать к себе:

— Александр Дмитриевич, к нам присаживайтесь...

— Товарищ Юдин, не возгордитесь, добро пожаловать...

— Давай, Александр Дмитриевич, закурим, — предложил председатель, — и посидим малость.

Увидев в стороне от девушек толпу подростков, он проворчал в их сторону:

— Вы что, сосунки, на девчат скуку заводите?.. Метелицу бы хоть кругнули.

— Ой, метелицу, — высказалась одна из девушек, — ни один из них гармошку-то в руках держать не умеет!

— Без гармошки не веселье, — заметил Юдин. — Тогда бы вы, девушки, хоть песни пели. Вот на Украине девчата петь мастерицы, вот мастерицы!..

— Иногда под настроение и мы можем, — слышался тот же девичий голос.

— Петь-то и наши горазды, сегодня вот что-то приумолкли, — заметил председатель колхоза, — не иначе о тебе разговор был.

Отвечали девчата в один голос:

— Не без того!

— А почему бы и не поговорить, не чужой парень...

— Детство вспоминали, и себя, и Сашу, когда он был тоже маленький, белоголовый...

— Спасибо хоть показался, а то бы и не знали своего героя.

— Ну, ладно, девки, хватит. Тамара, ты на запев гораздак, начинай!

С бревен из девичьей толпы вырвалась на ночной простор звонкая частушка-коротушка, за ней вторая, третья и, казалось, им не будет конца:

В Красну Армию забрали
На четыре годика,
Без милого поскучаю —
Девушка молоденька.
Когда милого забрили,
Я стояла у дверей,
Я стояла и сказала —
Возвращайся поскорей.

— Это Тамара Уварова распевает, — подсказал председатель Юдину, — о своем пареньке кручинится. Война кончилась, а его нет и нет.

Сорок пятого, девятого
Победы дождались.
Хватит, хватит нам, подруженька,
Без милых нажились.

— А это Валя Лучинина с Аней Филимоновой пропевают, — тихонько опять заметил председатель. — Ихние ухажоры, действительно, домой ожидают. Всю войну с кажинной почтой письма им присылали. Ждут прямо как женихов. Все как есть в письмах уже договорено до последней точки. В нынешнюю зиму в нашей деревне шесть свадеб я запланировал; придется двух бычков заколоть или одного нетеля зарезать... В случае, так приезжай, Александр Дмитриевич, первейшим гостем будешь. Пиво наварим — на ногах не устоять.

А девичьи голоса не унимались:

Не бракуй, подружка, раненых,
Не надо браковать,
Они за нас, за нашу Родину
Ходили воевать.

— Это голосок Кати Кудряшевой, она у нас самая боевая дивчина; совершенные лета и никем не занята, — сказал предколхоза под рифму. — И поет она вроде бы для твоего сердца. Тебя годком постарше будет...

— Пусть поет на здоровье, — отвечал Юдин, слушая девчьи приятные голоса.

За один день и вечер у него скопилось множество самых разнообразных впечатлений. Встреча днем в районном центре; встреча у себя в деревне; тридцать километров в тарантасе — действительно, не пора ли отдохнуть?

Выкурил еще по одной папиресе, Юдин и предколхоза поднялись с бревен, собираясь уходить.

— Спокойной ночи, девушки, спасибо за песни! — прощаясь, поблагодарил Юдин.

А председатель сказал:

— Пора и вам спать, за день-то умаялись.

— Ничего, выспимся, завтра воскресенья, а работы не замаяло, с понедельника рожь жать начнем, управимся! А доклад завтра будет? — спросила Катя.

— Какой доклад? — удивился председатель, уже позабыв разговор, происходивший за столом.

— Ну, не доклад, так беседа Александра Дмитриевича, как он стал героем?

— Да, да, обязательно будет. Объявление вывесим и по дворам объявим. Приходите.

Осмелев и разговорившись, девчата спрыгнули с бревен и, окружив гостя и предколхоза, пошли их провожать обратно вдоль деревни...

— Замучил человека-то, с дороги ему отдыхать по-настоящему, а ты еще повел разгуливать, — такими словами встретила жена председателя колхоза и, изменив тон, с Юдиным она заговорила иначе:

— Вам, Санушко, где спать удобнее — в избе или на повети?

— На свежем бы сене, тетка Марья, то-то всхрапну.

— Я так и знала. У меня мужик тоже любит на сене спать. Приготовлено, Санушко: веретище подостлано и подушка там и оутка...

Эту ночь Юдин спал крепко. Напрасно утром председатели домоладцы ходили на цыпочках и разговаривали шопотом, чтобы не потревожить гостя; он спал и видел сны, каких не видел, быть может, никогда. Грезилось ему: то он в бурлящих ручейках ловил мешком крупную нельму; то кружился с девчатами в хо-

говоре и пел неслыханные песни. А когда приснились днепровские плывни, пот выступил на лбу, и ему очень захотелось курить.

Сквозь узкие щели тесовой крыши просачивались тонкими струями лучи высоко взошедшего солнца. Посмотрел на ручные часы — было одиннадцать. „Однако пора и встать“, — решил Юдин и вспомнил, что на повети, заполненной сеном, курить не полагается.

Одевшись, Юдин вошел в избу, весело поздоровался с хозяйками и двумя колхозниками, пришедшими к председателю рассматривать предварительный план озимого сева. На столе остывал давно переставший шуметь самовар, но не тот, не „бригадный“, а семейный, блестящий никелевый — краса и необходимость деревенского быта.

Пока Юдин полоскался над широкой треногой лоханью, хозяйка поднесла на совке горсть горячих углей и спустила в трубу. Ожил тульский красавец и начал издавать тонкие звуки.

За чашкой чаю председатель развернул заготовленную афишу:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Всем гражданам

Сегодня, в воскресенье
в „ „ часов в помещении
колхозного правления
состоится доклад

Героя Советского Союза
АЛЕКСАНДРА ЮДИНА
о его боевых делах на фронте
Отечественной войны

Просьба прийти без опоздания

— Вот тут я время в афише не обозначил, как тебе, Александр Дмитриевич, удобнее будет? — спросил председатель.

— Мне все равно, как вам удобнее, так и собирайте, — ответил Юдин.

— Давай часов в шесть вечера, чтоб до девяти успеть. В девять у нас коровы из покотины приходят, тогда женщинам слушать будет некогда.

— Хорошо, я согласен. К тому времени я соберусь с мыслями. Да, еще исправьте на афише: не в правлении колхоза, а на улице, на бревнах, где вчера вечером девчата собирались, там простору больше...

На собрании было очень многолюдно. Предколхоза торжественно объявил:

— Слово предоставляется нашему дорогому гостю, члену Всесоюзного Ленинского комсомола и Герою Советского Союза товарищу Юдину, — и первый похлопал ладонями. За ним аплодировали все, как полагается.

Наступила тишина.

Глава вторая

АЛЕКСАНДР ЮДИН РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

Дорогие товарищи! Соседи и земляки! Вас интересует, как я понимаю, мой пройденный путь, моя биография жизни. А биография моей жизни, уж если говорить прямо, началась по-настоящему только с лета 1943 года, то есть три года назад. А до этого все было мало интересно. Ну, как вы знаете, отец мой Дмитрий уехал отсюда из деревни со всей семьей сначала на Вожегу, там он работал, начиная с тринадцатого года, в лесопунктах, а я учился в школе. В Вожеге местность неинтересная: скучная, не то что здесь. Потом отцу что-то не приглянулось в Вожеге и, забрав семью, увез он всех нас за Котлас в Лимендский леспромхоз. Местность там привлекательнее вожегодской. Леса без конца и края. Две больших реки — Двина и Вычегда сливаются. Летом большой сплав леса, пароходство. Железная дорога есть от Котласа на Киров. А за время войны еще там появилась дорога к ухтинской нефти и к углям Воркуты. Одним словом места живые — работы всякой по горло и на лесозаготовках и на сплаве, а подальше податься — можно нефтяником стать или даже заполярным шахтером. В выборе места отец мой не ошибся, и он уже считается спецом по лесному делу. Мое дело — молодое. До войны я только успел кончить семилетку, а в начале войны немного отцу был помощником. Вступил в комсомол, проходил всеобуч в Лимендском леспромхозе. Мало еще я жил на своем веку, мой век впереди, но каждую зиму, в тех местах, на новой моей родине, я с нетерпением ждал весны и лета. Очень хорошее там короткое с длинными днями лето! Ночи побелей здешних будут, а главное — Вычегда! Пароходы,

паромы леса, баржи с грузами для новостроек на севере. Жизнь кипит. Недаром вычегодские бабки-сказительницы и в песнях и сказках любовно выхваляют свою реку. А еще есть там городок Сольвычегодск; не больше нашего Устья-Кубенского, но ценность этого городка в том заключена, что он представляет собою нечто вроде заповедного музея. Построен тот городок знаменитыми Строгановыми еще до времен царя Ивана Грозного и до сих пор от тех времен стоят храмы-музеи со всякими древностями. Люди ученые и просто так любопытные приезжают в Сольвычегодск из разных мест и дивуются на старину-матушку, на разное мастерство древних живописцев, медяников и резчиков и других художественных дел специалистов. Много люди поработали на Строгановых, которые были побогаче здешних Межаковых, Каютовых, Никуличевых...

— Молоденек, неоткуда тебе знать капиталы Межаковых да Никуличевых, — вставил свое слово старый дед, который, видно, имел представление о Межаковых и считал, что таких „царьков“ в прежнее время поискать — не найти.

— Прошу не перебивать гостя, он свою мысль ведет, как по ниточке, — сказал председатель колхоза, сидевший около героя. — Продолжайте, товарищ Юдин.

— ... А знаю, дедушка, я оттуда, что сам в Сольвычегодских музеях бывал, от добрых людей слышал и в книгах читал, что Строгановы с помощью Ермака или Ермак с их помощью всю Сибирь завоевали и присоединили к России. Владений у них было сотни тысяч квадратных верст, десятки тысяч подневольных людей, да тысячи людей от строгановских тягот в лесах скрывались. С тех пор в Двине и Вычегде много воды утекло. Вымер весь поголовно графский род Строгановых. Но была от древних Строгановых другая родословная ветвь — мужицкая. Это родство мужицкое и посейчас живо-здорово: целый колхоз от Строгановых есть в деревне около Сольвычегодска...

— Что верно, то верно, — не вытерпел и подкакнул дед, — мужицкая кровь, она поживучей, факт. Вот и у нас от бар Межаковых ни зерна, ни племени не осталось. По заграницам, скажут, шлялись, в нос не по-русски разговаривали и от худых болезней дохли... Ну, я не мешаю, — махнул дед рукой в сторону председателя, — валяй дальше!..

— Так вот, мой отец с семейством, и я в том числе, стали жить около Сольвычегодска. Случится кому из вас в тех местах побывать — добро пожаловать к нам в гости. Липендский леспромхоз найти не трудно... Еще о Сольвычегодске могу вам сказать,

что есть там небольшая, в три окна по переду, избушка, а в ней под надзором царской полиции жил в ссылке товарищ Сталин. Среди сольвычегодцев и посейчас есть люди, помнящие о пребывании в их городе Иосифа Виссарионовича Джугашвили. С гордостью вспоминают о нем и берегут тот домик-музей, в котором ютился великий человек.

— Должен сказать, что места около Сольвычегодска хорошие и для охоты и для рыбной ловли. Только не пришлось мне этим делом много заниматься, так как первого января 1943 года мобилизовали меня в Красную Армию и сразу из райвоенкомата отправили в Вологду в стрелковый полк запасной бригады. Стояли мы — новобранцы, в „первушинских“ казармах на реке на Вологде, в сторону Прилуцкого монастыря и усердно занимались пулеметным делом. Тяжелый пулемет „максима“ и „дегтярку“ — то есть дегтеревский пулемет и ППШ я изучил наизубок, овладел ими на отлично. А про винтовку не говорю, — я ее знал и раньше. И вот, через полгода, в звании младшего сержанта вместе с молодым пополнением меня направили на центральный фронт, на Курско-Орловскую дугу. Наверно слышали такую из газет или по радио?..

— Как же, родимый, слышали, — послышался голос пожилой колхозницы, — мой-то мужик хоть и не воевал, а карту на стене расклеил и все дуги, будто командир, карандашом расписывал. И бывало спать ложимся, а он предсказывает: „Завтра, Марья, такой-то город наши возьмут“.

— И сбывалось? — спросил Юдин.

— Как же, родименький, часто сбывалось...

— Ну вот, видите, мы там воевали, а и вы здесь тоже переживали и вместе с нами добивались успехов и даже планировали, какие нам города брать. Это хорошо... — Юдин закурил папиросу и, извинившись перед собранием, что ему приходится говорить сидя, так как ноги после ранений быстро устают, продолжал беседу.

— Не удалось тогда немцам пойти в наступление. Пошли мы. Много места исколесили: наступали в Курской области, в Орловской, потом снова в Курской (потому что была такая дуга) — вышли на реку Сейму. Тут трое суток вышибали немцев на другой берег. Вышибли, перешли реку и с ходу семьдесят километров маршем рванули вперед. Вышли к Котопу. Я тогда был командиром стрелкового отделения в дивизии генерал-майора Голосова. Славный генерал — ничего плохого не скажешь про человека. Наш брат как рассуждает о большом началь-

стве? Любит солдат, не чуждается, разговаривает, проявляет о нас заботу — значит хороший человек.

В Конотоп мы ворвались так быстро, что многие немцы, даже начальство, не успели отступить с основными частями и попрыгались. Мое отделение — одиннадцать человек — заняло в городе ресторан. Была удобная позиция — из окон три улицы простреливались. Видим, стрелять не по кому, все немцы разбежались. Мы пошли осматривать помещение. В зале за прилавком буфетчица-украинка стоит одна-одинешенька с таким напускным спокойствием. Смирнов Александр, тезка мне, говорит:

— Мамзель, есть выпить? — „Нет ни капли“, — отвечает девка и начинает порожние бутылки из ящиков выбрасывать на стойку для отвода глаз. Тогда мы глянули к ней за буфет под прилавок, а там шесть немецких офицеров сидят скорчившись и трясутся. Отобрали мы у них „вальтеры“ и „парабеллумы“, самих сдали командиру роты, буфетчицу — тоже и бежим дальше... Очистив Конотоп, двинулись наши войска на Бахмач, на Нежин. Тут столько шло наших танков и так немцы „драпали“, что мы — пехота — едва успевали за своими танкистами. Мы, молодежь, ехали на фронт, конечно, знали, что война не прогулочка и придется хлебнуть горячего до слез. Однако мы увидели великую силу нашей военной техники, вздохнули свободней и поняли, что с такой силой нам воевать будет веселей. Вот, скажем, степь, поросшая ковылем, вроде кубенских пожен, а как пройдут танки да самоходные пушки да всякие бронешины, ну, вся степь словно паренина перед севом вспахана. А земелька, какая хорошая там земелька! Наша здешняя без навозу не родит, а там навоз сушат да вместо дров расходуют.

— На танковые колонны и мы здесь денег не жалели, тысячами жертвовали, значит наша помощь пригодилась, — вставил председатель.

— Разумеется, и даже очень. Такую силушку наше Верховное командование скопило, что после этой самой Орловско-Курской дуги стали появляться наши „мешки“ да „клещи“, которые оказались немецких клеще. Случалось и мне иногда заходить глобоко во вражеские тылы. Тут, скажем, немцы еще не успели отступить, а мы уже в другом месте прорвались, обошли их и в тылу захватываем пленных, подшибаем „тигров“...

Подошли к Нежину. Фрицы упираются, не хотят отступать. Потом как наша артиллерия ударила по их укреплениям, как полетели в воздух все их броиеколки и доты, видят — выход один —

бежать. Зажгли немцы Нежин и — наутек. А мы кроем по горячим следам. В Нежине, помню, наша рота впереди других пробралась в город, идем тихо, ошупью, без всякого „ура“, чтобы себя не выдать и не попасть под пулеметный обстрел; вечер был, часов так одиннадцать, темно. И вдруг, в этом мраке и зловещей тишине, закричала, завершала не своим голосом женщина. Мы в темноте к ней: „Молчи! не обнаруживай нас!“ — еще пригрозили, а она от радости снова верещит, не унимается:

— Бабоньки! Выходите, наши пришли!..

Ладно — немцев тут близко не было.

Везде на освобожденной земле народ встречал нас радостно, гостеприимно и это понятно почему: что могло быть хуже неволи, в которой находились наши люди под немцем?..

В лето и осень 1943 года отдохнуть нам мало приходилось. Около Десны небольшая передышка получилась по причине дождей. Земля так размякла, что танкам и пушкам-самоходкам стало неспособно двигаться. Но ведь дожди были и у немцев; значит и у них танки буксуют. Наш батальон и был послан в немецкий тыл. Сходили благополучно: подорвали три танка, взяли в плен полтораста фрицев и обратно. Это было в конце сентября и всего в двадцати пяти километрах от Днепра.

Наступили деньки посуше. Наше соединение все ближе и ближе с боями подходило к Днепру. В одном месте мы — небольшая группа — оказались на болотистом островке. Окопались. Мелкий ивнячок нас прикрывает. Но с островка ни взад ни вперед. Все окрестности просматриваются и простреливаются немцами. Несколько дней мы на таком приднепровском островке отлеживались и отстреливались из укрытий. И харчи у нас все вышли. Глушили гранатами рыбу в заводях и кормились. А за Днепром, видим, горят скирды пшеницы. Значит, немец чует смерть свою неминуемую на нашей земле!

... В этом месте своей беседы Александр Юдин сделал небольшую паузу, а председатель спросил его:

— Наверно у тебя, Александр Дмитриевич, был такой основной, самый интересный эпизод из боевой жизни? Когда ты до него дойдешь, остановись подробнее; спешить нам некуда, а потом сделаем перерывчик.

— Вот я и подхожу к этому эпизоду, — сказал Юдин и стал рассказывать землякам тот незабываемый случай переправы через Днепр, случай, который позволил ему стать Героем Советского Союза. А толпа слушателей росла и росла. Подходили прохожие из других деревень и, поняв суть необычного со-

брания, становились тут же и, не нарушая тишины, слушали трогательную, горячую беседу.

Эпизод, рассказанный Александром Дмитриевичем, был таков:

Глава третья

Юдин переправляется через Днепр

— Чуден Днепр при тихой погоде!.. — восклицал в свое время Николай Васильевич Гоголь... Страшен и неприступен был Днепр в тот час, о котором речь пойдет ниже.

После трудных и долгих наступательных боев дивизия генерал-майора Голосова вышла к Днепру.

Подразделение, в котором находился Юдин, обойдя плавни, спустилось в овраг, ведущий извилинами до самого приплеска реки. Но нельзя еще было подойти к реке вплотную, нельзя было захватить солдатским котелком или каской днепровской водицы и освежиться. Немцы крепко держались за противоположный, правый берег Днепра, сосредоточив всю силу огневых средств на участках, наиболее удобных для переправы. Наши, выбрав подходящее место для форсирования реки, стянули артиллерию и обрушили на немцев шквал огня. Метров восемьсот в ширину, а в глубину километра на два-три, расчистили, казалось, все подчистую.

Огонь разнокалиберных, главным образом тяжелых орудий и „катюш“ был жесток и беспощаден. Мало сказать, что земля вздрагивала; земля горела и корежилась от тяжелых разрывов, земля перемалывалась вместе со всем тем, что находилось на этом ее участке. Иногда наши снаряды, не долетая, падали в Днепр, и седой старикан сердился, фыркая фонтанами, высоко вздымая каскады серебристых брызг. Потом все стихало. Можно было думать, что место для переправы готово — путь за Днепр открыт и безопасен. Однако никто так не думал, зная, что только стоит сунуться, как оживут приглушенные точки немецкой обороны. И тем не менее, по извилистым глубоким оврагам, миновав открытые и заманчивые своей близостью прямые подступы к Днепру, наши саперы подтаскивали понтоны.

Пехотинцы опасливо посматривали на тот берег. Сам командир дивизии обходил подразделения, занявшие исходные позиции. Он был суров, сосредоточен. Внимательно осматривал бойцов, их снаряжение с полной выкладкой. А выкладка на каждом из них — автомат, четыре диска патронов, пятьсот штук патронов за спиной в вещевом мешке, да навешено по десять гранат, да

по норме продуктов. Такая выкладка пригнетала могучие плечи комсомольца Юдина, сумрачно посматривавшего из-под каски.

Многих лучших бойцов и младших командиров генерал знал в лицо и помнил их фамилии. Он знал и Юдина, несколько раз отличившегося в наступательных боях и в разведке. Увидев его, Голосов весело спросил:

— Ну как, Юдин, готов?

— Вполне, товарищ генерал, — и слегка тряхнув гранатами, добавил: — скоро вот этой картошкой немцев угощать буду.

— Желаю успеха.

Потом подозвал к себе командиров рот. Генерал поговорил с ними и объявил во всеуслышание:

— Сейчас пойдет на тот берег первый моторный понтон. Нужно двадцать пять человек добровольцев. Комсомольцы, не посрамите себя. Кто желает первым за Днепр? Кто не робеет?

Генерал замыслил так: как только первый десант высадится на берег, он для поддержки вышлет подкрепление в размерах, зависящих от сопротивления, которое можно ожидать от уцелевших в этой полосе немцев.

Старшим на первый понтон вызвался капитан — командир второй роты. В числе других комсомольцев одним из первых изъявил желание форсировать реку и Александр Юдин. Задача была ясна: достичь берега, закрепиться и всеми возможными средствами способствовать дальнейшей высадке наших подразделений.

Генерал сказал:

— Важно, товарищи, перебраться за середину реки, а там должно быть легче переправляться поскольку тот берег отлогий, песчаный...

Ширина Днепра в этом месте была не менее пятисот метров. Быстрым течением сразу же откинуло понтон в сторону, что заставило рулевого разворачиваться и держать курс наискось реки к намеченной точке. На понтоне в эти минуты было не до шуток, не до разговоров. Каждый знал, что за ними следят тысячи глаз наших бойцов и командиров и сам генерал Голосов; смотрят и желают им благополучно добраться до берега. И каждый знал, что на том берегу есть еще уцелевший, притаившийся и временно притихший враг. Быть может они уже взяты на прицел, но пока противник играет с ними как кошка с мышкой. Не дошел перегруженный бойцами первый понтон и до середины Днепра, как с двух сторон кинжальным огнем немцы ударили по нему из орудий. Первые снаряды падали не метко. Рва-

лись по сторонам. Огненные столбы поднимались из воды; волны речные и воздушные бросали понтон из стороны в сторону. На середине Днепра один снаряд ударил в кормовую часть понтона. Шесть бойцов взрывом скинуло в воду.

— Держись ребята! — ободряюще крикнул капитан, но и сам он был бледен и не уверен в благополучном исходе. И голос его едва ли кем был услышан из-за грохота разрывов, из-за повсеста реактивных снарядов, кометами летевших с нашего берега туда, где вновь обнаружила себя артиллерия противника. Один из многих немецких снарядов угодил в борт понтона и перевернул его кверху дном. Юдин не потерял сознания. Первое, что пришло ему в голову, — надо во что бы то ни стало остаться живым и выбраться на берег. Пусть понтон разбит, пусть некоторые погибли, но жива поставленная цель.

Ногами нащупал ровное, песчаное дно. Быстрота течения давала себя чувствовать, — относилась в сторону, сбивала с ног... Собравшись с силами, Юдин взмахнул руками, всплыл на поверхность. Кроме него барахталось только четверо, в том числе менее загруженный снаряжением капитан. Все они, сбросив с себя каски, кто как мог держались на воде и плыли к западному берегу, до которого оставалось каких-нибудь метров сто, а то и меньше. Чтобы облегчить себя, можно освободиться от вещевого мешка с патронами или пустить на дно связку гранат.

Но сознание подсказало Юдину, что утопить гранаты и патроны, а самому выбраться на берег, это значило бы погубить себя. Чем же тогда обороняться? Как же тогда выполнять задачу? Кое-как держась на поверхности, он обернулся, посмотрел в сторону своих и увидел: два понтона еще оторвались от берега и оба в тот же момент были накрыты вражескими снарядами.

„Вот не везет! — мелькнуло в сознании Юдина, — однако форсировать будут, Голосов не отступится“. Набрал в себя как можно больше воздуха, он снова опустился на дно. Глубина Днепра в этом месте была не больше четырех метров. Теперь, опустившись на дно, Юдин правильно ориентировался, знал в каком направлении ему надо шагать, чтобы скорее достичь желанного берега.

„Пулеметчиком был, разведчиком был, не думал, что война заставит быть водолазом, только вот надолго ли? Не ждет ли на том берегу смерть?“ — Но солдату думать о смерти — последнее дело. Надо думать о том, как отстоять жизнь. Он стал задыхаться: дальше шагать — нет возможности. Опять выплывает на поверхность, жадно глотает воздух и замечает, что до берега

становится ближе. А капитан и трое бойцов поодаль от него все живы и все устремляются к берегу. Это придало ему бодрости. Снова опустившись на дно, он упрямо зашагал вперед, вперед.

И так он то всплывал, то опускался на дно четыре раза, пока наконец не вышел на мелкое место, и тогда самое страшное осталось позади. Выбрались на берег из двадцати пяти только пятеро. Быстрым рывком пробежали двести метров вперед. Через несколько минут троих уже не стало. Их сразили немецкие пули. Остались вдвоем Юдин с капитаном и то благодаря тому, что с помощью саперной лопаты они наскоро сумели окопаться и залечь. Немцы сначала обстреливали их из пулеметов. Потом вперемежку бросились на двух русских смельчаков. Автоматы у капитана и Юдина были готовы, гранаты тоже. Первыми длинными очередями они сразили передние ряды наступающих. Остальные немцы залегли, но через две-три минуты поднялись и снова бросились. И опять многие сковырнулись.

— Русс, смерть, сдавайся! — кричали наседавшие немцы. Капитан и Юдин отвечали им из автоматов. Немцы лезли и лезли.

Капитан успокаивающе сказал Юдину: — Ну, дорогой товарищ, и умрем, так не зря, не дешевой ценой...

— Да, мы их навалили порядком, — ответил Юдин, — патроны на исходе, зато еще у меня десять гранат.

— У меня только пять, — с сожалением заметил капитан.

— И то не плохо. Мы еще покрошим их, пусть лезут, — бодро отозвался Юдин.

Капитан отложил одну гранату в сторону: — Этой подорву себя, но не сдамся. Все равно так и так смерть...

Юдин последовал его примеру и тоже отложил одну гранату.

Немцы стали осторожней; они подползли, но не поднимались для перебежек и что было странно — стреляли плохо, вроде для острстки и кричали с разных сторон: — Русс, сдавайся!..

— Очень, видать, они нуждаются в наших языках, — заключил капитан, — только напрасно рассчитывают... — И одну за другой швырнул две гранаты и обе настолько удачно, что Юдин приметил из-за бруствера, как вместе с песком и дымом поднялись в воздух клочки мундиров и черные немецкие каски.

Так они израсходовали тринадцать гранат. Осталось две последние гранаты. Тот и другой вытащили кольца с предохранительными чеками, чтобы в последний момент суметь нанести урон врагу. Это были тягостные минуты. Все кончено. Ни о чем не оставалось думать, только ждать: вот-вот подползут эти метрах в пятидесяти от них прижавшиеся к земле немцы, и тогда —

конец!.. Капитан, прячась за бруствером, приблизился к Юдину и, не выпуская из руки гранаты, крепко обнял его и поцеловал.

— Хорош ты, парень... Ну, что ж, и нам немного жить осталось, — сказал капитан, видно вспомнив тех товарищей, с которыми на понтоне переправлялся через Днепр. — А жаль. Хотелось до самой сволочной Германии дошагать... Давай с честью умрем, как русские умирают...

Они еще раз поцеловались и снова стали всматриваться вперед. На развороченной снарядами земле копошились, распознаясь в разные стороны, фрицы. Некоторые из них пятились. И то, чего не заметили капитан и Юдин, к своему огорчению увидели немцы: со стороны Днепра бесшумно, пригибаясь к земле, грозной силой надвигались солдаты генерала Голосова. Позади, чуть немного справа от Юдина, затакал пулемет „максим“.

За три месяца войны Юдин научился узнавать и отличать по „голосу“ свой пулемет от немецкого.

— Товарищ капитан, наши!

У обоих не гора, а что-то более тяжелое свалилось с уставших и могучих плеч. Они спасены. Впереди жизнь, борьба!

— Товарищ капитан, порядочек! — обрадованно продолжал Юдин, — и знаете, за пулеметом я узнаю моего земляка Сашу Жолобова, от нас из Лименды. Рубай, Саша! Под самые их пачки!..

Тяжелый „максим“, потряхивая хоботом, весело поливал свинцом, расчищая путь для наступающих автоматчиков.

— Товарищ капитан, а мы-то целовались, думали — крышка. Нет, чорта с два, живем еще, новоюем!.. — радовался Юдин.

Капитану почему-то вздумалось посмотреть на ручные часы.

— Знаешь что, мы час и восемь минут вдвоем с тобой держались на этом берегу...

Глава четвертая

Герой Советского Союза Юдин продолжает и заканчивает свою беседу

... После перерыва с перекурком и разными разговорами предколхоза снова предоставил слово герою, Александру Дмитриевичу достал из кармана гимнастерки красненькую, в сафьяновом переплете книжечку, сказал:

— И вот за этот самый поступок Михайло Иванович Калинин подписал мне такие слова:

„Юдину Александру Дмитриевичу

За Ваш геройский подвиг, проявленный при форсировании реки Днепра севернее Киева, прочное укрепление плацдарма на западном берегу реки Днепр, Президиум Верховного Совета СССР своим указом от 17 октября 1943 года присвоил Вам звание Героя Советского Союза“

— Когда мы с капитаном почувствовали, что мы снова жители на этой планете, у нас отлегло от сердца, мы бросили в сторону немцев остальные две гранаты и расстались. Капитан сразу же ушел в свой батальон, который высадился следом за нами на западный берег Днепра, а я тогда снял с одного убитого товарища вещевой мешок с патронами, стал заряжать диски автомата. Жалею, что я не знаю фамилии капитана и не знаю, жив ли он сейчас, но если жив, то думаю, что ему тоже положено быть Героем Советского Союза...

Мы стали развешивать наступление вдоль по берегу, расширять плацдарм для переправы более крупных частей и всех видов войск. К вечеру наш батальон захватил у немцев десять зениток и тут же захватил пароход со снарядами. Последний отступающий немец хотел взорвать пароход, но фриц был не из храбрых, замешкался, слишком длинный шнур запалил. Наши успели шнур перерезать, а немца догнали пули из автомата.

Первые дни и ночи за Днепром проходили в непрерывных перестрелках. В наступлении мы чувствовали себя бодро. Хорошим примером для нас служили бойцы рокоссовцы, дошедшие от Сталинграда до Заднепровья. Веселые, храбрые были люди, неунывающие. Иногда на отдыхе сидим, читаем газеты, говорим о втором фронте. А они, рокоссовцы, рассуждают: „Главное сделали, за Днепр перешли, а до Берлина как-нибудь дорогу найдем“...

Приходилось два раза до рукопашных схваток добираться: немцы были злы и назойливы, как мухи осенние; только мы им спуску не давали. Был в моем отделении прекрасный воин, младший сержант Баландин — сибиряк; крепкий, ловкий, богатырского сложения. Он за войну столько побил немцев, что и счет потерял. В рукопашке автомат у него сломался, а немец воспользовался этим и задел его основательно штыком в грудь. Тогда Баландин, раненый, вырвал у немца винтовку и прикончил его. В эту же минуту вражеская пуля угодила в голову Баландина. Он даже не вскрикнул, а как-то быстро повернулся на одном каблуке

и упал. Тогда же тяжело был ранен мой земляк Стрельцов. Я его стал оттаскивать с поля боя в хату — поблизости тут была. Он в сознании говорит мне: „Не надо, Юдин, не трать на меня время. Я не жилец“, — а у самого кровь из горла, и верно, в хату я положил его уже мертвого. Как-то скоро привыкли к войне, и нельзя сказать, чтобы она была особенно страшной, но вот когда у тебя на глазах погибают близкие товарищи, друзья, с которыми ты делишь и хлеб и табак пополам и вместе идешь в опасный бой, — в такие минуты становится тяжело и жалко товарищей. Меня смерть обходила, не брала. Быть может потому, что я от природы человек уравновешенный или просто — счастливый. Был такой факт: забралась мы в немецкий тыл и около дороги окопались. Не давали немцам ни проходу, ни проезду. А они, чтобы не тратить свою живую силу, послали на нас восемь самолетов с бомбами, а потом пехоту пустили. Меня тогда сильно оглушило взрывом авиабомбы, говорят, я сидел в окопчике и кричал во всю глотку. Но я не слышал своего голоса и не сознавал, чего я мог кричать? Пришел в себя только тогда, когда увидел, что лопаткой к нам подбирается немецкая пехота, а у моего „максима“ солдаты-новички возятся и не знают, как надо вставить ленту. Я сразу очухался, вспотел весь; подбежал к пулемету, щелкнул крышкой короба, протасил ленту, сел за „максима“ и начал поливать, тут и контузия у меня прошла. Выпустил пятьсот пуль. Уложил мой „максим“ тогда фрицев не мало. Зарядил еще последней лентой, посадил за пулемет новичков и говорю: — Вот как работать надо! — и сам отошел в окопчик, чтобы отдышаться после этой проклятой бомбежки. Только я сел, закурил и, откуда не знаю, — снаряд как бабахнет прямо в мой пулемет, разнес его вдребезги и от двух новичков осталась одна только память.

Командир роты Кравчук видел это и говорит мне: „В сорочке ты, Юдин, родился. Как это тебя надоумило отойти, еще бы минута, и готов“.

На войне нередко так в эти горячие дни бывало: дерется с тобой рядом человек изо всех сил, не жалея жизни, и становится он тебе роднее брата родного. А убьют, не знаешь ни роду его, ни племени. В документах некогда разбираться; разберутся другие. Так однажды старший лейтенант из другой роты очутился — вроде того капитана, что переправлялся через Днепр, — бок о бок со мной. Вся грудь у него в орденах. Сам такой невысокий, вагорелый, в легких парусиновых сапожках. Здорово мы с ним хлестали фрицев. Они были так близко, что старший лейте-

нант из пистолета крыл их без промаха. Я ему что-то приглянулся. Он спрашивает, откуда я, какой области, видно по вологодскому говорку заподозрил во мне земляка. Я говорю — я вологодский.

— А района? — спрашивает он.

— Устье-Кубенского, — говорю, — уроженец, а житель Архангельской области.

— Я тоже Устье-Кубенского района. Не плохо, — говорит, — дерется семнадцатая республика, — улыбнулся он мне, — крой, земляк, — немец рядом!.. Только мы и поговорили, я даже фамилии его не спросил, а облик, разговор и каждое движение его на всю жизнь мне в память врезались. Погиб он в тот же час. А видать, человек был что надо!.. Между прочим, нашего брата вологодских на фронте в шутку нередко называли: „Эй, ты, семнадцатая республика“, и даже анекдот такой был в широком употреблении: будто бы командир выстроил роту и спрашивает, обращаясь к бойцам: „Кто из вас есть нацмены? — два шага вперед“. Все стоят на месте, только один подался из строя. — „Ты какой национальности?“ — спрашивает его командир. — „Кто, а я-то? Я-то вологодский“. Все засмеялись, а ротный говорит: — „Нашлась семнадцатая республика, поди становись на свое место!..“

Шутка шуткой и оставалась. Не видал я вологжан, которые бы обиделись на эту шутку. Но вологжан, сражавшихся героически, встречал не мало. С виду тихие, безответные — много не нашумят, а сделают...

Расскажу еще один такой случай. Однажды издали слышим шум приближающихся немецких танков. А нас всего одна рота. Командир быстро решает роту отвести в укрытие, а мне приказывает в сторонке на краю глубокого оврага притаиться с пулеметом, пропустить танки, а поскольку за танками всегда следует ожидать наступающую пехоту, то пехоту обстрелять по всем правилам. Лежу я в окопчике, пулемет рядом еще не подготовлен, потому что нельзя его заранее выставлять напоказ. Смотрю в расщелину бруствера: прогрохотал мимо меня по дороге последний пятнадцатый танк. Ну, думаю, скоро должна пойти пехота. Поднимаюсь, а передо мною в десяти шагах немец с автоматом и четко по-русски говорит: „Руки вверх“. Вот чего не ожидал, так не ожидал! И словно кто мне в ухо подсказал: „не сдавайся!“ Не помню, как схватил я свой автомат, но наверно очень быстро, и штук пять сторяча выпустил в этого немца, ему и хватило. Чувствую, сердце у меня бьется как-то ненормально, и в руках дрожь и вроде бы слабость, а все оттого, что немец

так неожиданно появился, а главное — гляжу, в полукилометре от меня по дороге движется сотня три немецких солдат. Как ни сохранял я выдержку, а мое тут одиночество да такое зрелище на меня подействовали. Стал поднимать вверх пулемет, раньше легко справлялся, а тут мой „максимка“ кажется что тяжелей стал. Кое-как вытащил, поставил на заряд. Жду...

Вот тут находятся среди вас демобилизованные товарищи, они бывали в боях. Наверно им знакомо это упорное чувство, когда забыв обо всем на свете, строчишь по близкой и удобной цели, когда от пуль, выпускаемых из твоего пулемета или автомата, все равно, — кувыркаются, падают враги, столько навредившие нам, нашей Родине. Трудно передать это чувство: сердце бьется как-то радостно и об опасности не думаешь...

Сколько я их уложил за этот раз — считать не пришлось: одних наповал, а других мой „максим“ прижал к земле и не выпускает. Сделал я передышечку. Оглянулся, а с боку на меня, ковыляясь по рытвинам, лезет танк, как чудовище. Вот когда пришел мой конец. Дай, думаю, — все равно смерть, — разверну пулемет и брыкну в танк по щелям; за щелями должны быть глаза водителя и стрелка. И, конечно, я ничего не смог бы поделать. На мое счастье случилось несчастье: только я произвел первый выстрел по танку, как в коробе пулемета разорвалась гильза. Пулемет вышел из строя. А танк вот-вот сейчас раздавит меня, как козявку. До этого момента мне и в голову не приходило, что рядом крутой и опасный спуск в овраг может быть моим спасителем. Оставив пулемет, я, держась на ППШ, кубарем выкатился из окопа и понесло меня с угорья в овраг, только кости забрякали. Так я и не попал под гусеницы танка. А катился я метров сто, не меньше. Додго ли не мог приттв в себя, не знаю. Очнулся наполовину: сижу в граве, руки, лицо — все в кровавых царапинах, синяках; штаны, гимнастерка порваны, а кругом меня люди, то ли немцы, то ли наши, никак понять не могу и не разберу, что они говорят, а что-то все-таки говорят.

Первого из всех узнал командира роты. Он стоит рядом, трясет меня за руку и говорит: „Поздравляю, поздравляю...“ А я еще ничего не соображаю: смеется он надо мной или всерьез? Как же, за что меня поздравлять? Сижу весь разбитый и пулемет не знаю где. Наконец, начинаю шевелить мозгами и вникать. У меня и слезы на глазах, и усмехнуться хочется. Капитан говорит: „Молодец, товарищ Юдин, мы видели, в каком ты положении был, как здорово резал немецкую пехоту. Пять человек я послал за тобой в овраг, чтоб живого или мертвого тебя достать.

Крепок, молодец... А поздравляю тебя еще с тем, что из полка сообщили: тебе присвоено звание Героя Советского Союза...“

В ответ я не мог сдержаться, заплакал от радости. А через день меня ранили в правую ногу. Два месяца провалялся в фронтовом госпитале, а потом попал на 1-й Белорусский фронт в Пинские болота. Там много было опять боевых эпизодов, всех вдруг не вспомнишь и не расскажешь.

Вскоре меня ранили вторично, на этот раз тяжело, в левую ногу. И пришлось мне долго лечиться в Иванове в госпитале. Обидно было лежать словно привязанному к больничной койке; тем более обидно и досадно, что не удалось побывать в Берлине. Пока я поправлялся, и с Германией и с Японией было покончено... Вот и все, товарищи. Кого не устраивает моя беседа, прошу задавать вопросы. Рассказы рассказывать куда легче, чем воевать...

Александр Дмитриевич вытер на лице пот, помолчал немного при общей тишине и сказал еще: — А впрочем с непривычки даже говорить трудно...

Вопросов ему не задавали. Всем был ясен и очевиден нелегкий путь молодого бойца-героя.

Было тихо. Под впечатлением беседы никому не хотелось нарушать покой — заговорить первым.

Оранжевое солнце спускалось за Уфтьгой-рекой, за Кубено-озерьем. Из покотин возвращалось колхозное стадо сытых коров. Они шли враскачку ленивой поступью, мычали, заявляя о своем возвращении.

Надреснутыми звуками звенели щербатые коровьи колокола. И эти звуки, и этот тихий закат напомнили Александру Юдину его не столь отдаленное детство, протекавшее здесь, в родимой вологодской деревушке.

* Сорокапятимиллиметровое противотанковое орудие.